

DOI: 10.31857/S086919080025052-4

О ХАРАКТЕРЕ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ ЕГИПЕТСКИХ ЦАРИЦ
ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА

© 2023

В.А. БОЛЬШАКОВ ^{a, b}^a – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия;^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0003-0790-6473; vb.scriba@gmail.com

Резюме: В статье анализируется характер обожествления цариц эпохи Нового царства и особенности их официальной репрезентации в египетских источниках. Под «обожествлением» автор подразумевает наделение цариц чертами определенных богинь, причем различаются два аспекта данного явления: прижизненное и посмертное обожествление. С точки зрения автора статьи, форма посмертного обожествления цариц укладывается в рамки традиционного почитания почивших царей-предков, поэтому в фокусе исследования находится только прижизненное обожествление цариц. Последнее ставится автором в тесную взаимосвязь с эволюцией идеологии царской власти и «соляризацией» образа правящего царя, достигшей максимального выражения в рамках традиционного религиозно-мифологического дискурса при Аменхотепе III и Рамсесе II (период царствования Эхнатона в статье поэтому опущен). Поскольку в этот период в официальном царском нарративе фиксируются новые акценты, отождествляющие царя с солнечным богом (Ра, Ра-Хорахти), имеются веские основания полагать, что данное явление также отчасти распространялось и на главных представительниц его семьи. Главная цель автора заключается в том, чтобы определить степень прижизненного обожествления цариц как вероятного земного олицетворения богинь-матерей и богинь-защитниц (прежде всего, Хатхор, Исиды, Маат, Мут). В этом контексте в статье приводится перечень основных титулов и хвалебных эпитетов, позволяющих видеть в царицах уподобление спутницам мужских божеств. Основную массу свидетельств об этой тенденции дают изобразительные источники, и в частности, индивидуальная иконография цариц. Изучение источников, наиболее показательных с этой точки зрения, позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что между царицами и главными богинями египетского пантеона, несомненно, проводились различные смысловые параллели. Тем не менее, сравнение цариц с богинями за отдельными исключениями все же не достигало уровня полного отождествления с последними, а сами эти параллели проводились преимущественно посредством иконографии, а не фразеологии.

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, идеология царской власти, древнеегипетские царицы, обожествление царей, древнеегипетская религия.

Для цитирования: Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства. *Восток (Oriens)*. 2023. № 3. С. 33–44. DOI: 10.31857/S086919080025052-4

SPECIFIC TRAITS OF DEIFICATION OF THE EGYPTIAN QUEENS
IN THE NEW KINGDOM

© 2023

Vladimir A. BOLSHAKOV ^{a, b}^a –Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);^b –Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia^{a, b} –ORCID ID: 0000-0003-0790-6473; vb.scriba@gmail.com

Abstract: *The article analyzes the characteristic traits of deification of the New Kingdom queens on the basis of their official representation in Egyptian pictorial and textual sources. In order to reveal the nature of the deification of queens and the essence of their theological role in general, the article discusses specific methods and features of the queens' assimilation with the goddesses, primarily, Hathor, Isis, Maat, Mut or the goddess of the Solar-Eye (Hathor/Tefnut). Here, the term "deification" means a queen was endowed with various features of a goddess, and two aspects of this phenomenon are distinguished: the deification of living and dead queens. The focus of the present study is only the lifetime deification. The author puts the trend to assimilate them with goddesses in a close correlation with the evolution of the royal ideology and the so-called "solarization" of the ruling king's image, which reached its peak expression under Amenhotep III and Ramses II (the period of Akhenaten's reign, which deserves a special study, is out of scope). The bulk of the evidence is provided by individual iconography of several queens. The study of the available selection of sources allows to draw a fundamental conclusion that there undoubtedly were various semantic parallels between the queens' images and the principal goddesses of the pantheon. Nevertheless, the assimilation of queens with the goddesses, with some exceptions, did not reach the level of complete identification with the latter, and these parallels themselves were drawn mainly by the means of iconography rather than phraseology.*

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, ideology of kingship and queenship, Ancient Egyptian queens, deification of kings, Ancient Egyptian religion.

For citation: Bolshakov V.A. Specific Traits of Deification of the Egyptian Queens in the New Kingdom. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 33–44. DOI: 10.31857/S086919080025052-4

В египтологии роль царицы в контексте идеологии царской власти обычно рассматривается в связи с двумя главными мифо-теологическими моделями – солярной и осирической: как правило, в первом случае речь идет об уподоблении царицы Хатхор, во втором – Исиде. В настоящее время интерпретация сакральной роли главных представительниц царской семьи основывается на концепции Л. Трой о существовании мифологического женского «прототипа», необходимого для полноценного функционирования института царской власти [Трой, 1986]¹. Согласно данной концепции, царская чета являлась земным воплощением дополняющего друг друга мужского и женского божественного начала; например: Ра/Ра-Хорахти – Хатхор/Тefнyт/Мaат, Шу – Тefнyт, Aмoн – Мyт, Хoр – Хатхор, Хoр – Иcидa, Oсирис – Иcидa. Несмотря на ряд весьма спорных положений в концепции Л. Трой, наличие более или менее выраженных параллелей, проводившихся между матерью и супругой царя и главными богинями египетского пантеона, тесно связанными с идеологией царской власти, не подлежит никакому сомнению. Как царь, так и его супруга и мать (иногда также дочери) наделялись особыми атрибутами и инсигниями, предназначенны-

¹ Критический взгляд автора на концепцию Л. Трой изложен в: [Bolshakov, 2022].

ми выразить сущностное родство или сходство земных властителей с их божественными коррелятами. Тем не менее, характер официальной репрезентации цариц эпохи Нового царства оставляет место для вопроса, в какой степени иконография, титулы и эпитеты свидетельствуют о божественной природе их самих и/или причастности к миру богов? Как нам представляется, для решения данного вопроса и уточнения сущности теологической роли цариц в целом необходимо рассмотреть приемы и особенности их обожевления.

Если под «обожевлением»² цариц понимать их наделение чертами богини, то, прежде всего, необходимо провести грань между двумя аспектами данного явления: прижизненным и посмертным обожевлением. Так, если допустить, что в первом случае здравствующие царицы в большей или меньшей степени представлены подобием конкретных богинь египетского пантеона, то во втором – являются объектом культа, учрежденного уже после их смерти. Наиболее известный пример такого посмертного обожевления представляет царица-мать Яхмос-Нефертари, почитавшаяся как локальная богиня-покровительница мастеров фиванского некрополя. Несмотря на ряд особенностей, форма посмертного обожевления и почитания Яхмос-Нефертари, тем не менее, укладывается в рамки традиционного поклонения почившим царям-предкам³. Так как рассмотрение культа царей-предков и специфики почитания Яхмос-Нефертари как богини не входит в задачи настоящей статьи, мы сосредоточимся исключительно на отдельных примерах и приемах прижизненного наделения цариц чертами богинь.

В эпоху Нового царства официальный нарратив постоянно представляет царя как земное проявление различных божеств и, прежде всего, как видимую форму бога солнца. Как свидетельствуют тексты XVIII династии, правящий царь все чаще, чем ранее сравнивался с различными богами, и в первую очередь с самим богом солнца⁴. Более того, заметно усилившейся при Аменхотепе III «соляризации» особы царя хронологически соответствует проецирование образов богинь на великую супругу царя. В рассматриваемую эпоху проведение параллелей между богинями и царицами достигалось посредством следующих приемов: 1) наделения цариц характерными инсигниями и символическими элементами; 2) использования титулов и эпитетов, ассоциирующих их с образом тех или иных богинь; 3) расположением изображений цариц в композиции сцены/скульптурной группы, место в которой обычно отводилось богине. Фактически наделение главных представительниц царской семьи признаками и атрибутами, связанными с богинями, стало неотъемлемой частью дальнейшего развития их индивидуальной иконографии.

Целый ряд титулов и хвалебных эпитетов цариц Нового царства, в свою очередь, содержит глубокие религиозно-мифологические аллюзии или подразумевает сакральную роль их обладательниц в культе: «великая ужасом» (*ʿ3 nrt*)⁵, «наследница Осириса» (*iwʿt Wsir*)⁶, «мать бога» (*mwʿt ntr*)⁷, «супруга бога/Амона-Ра» (*hmt ntr/nt Imn-Rʿ*)⁸, «подруга Хора» (*ht*

² Как подчеркивается в “Lexikon der Ägyptologie”, термин «обожевление» довольно расплывчат из-за отсутствия фундаментальных исторических исследований концепции бога в Древнем Египте [Goedicke, 1986, S. 989].

³ На это указывает, в частности, включение фигуры Яхмос-Нефертари в групповые изображения царей-предков. Ср., например, сцены в фиванских гробницах: TT 2, TT 284, TT 359 [El-Bialy, 2003, pl. 1–2, 43–44, 63A].

⁴ Некоторые примеры царской фразеологии XVIII династии, иллюстрирующие солярный аспект природы царя, приведены в работе Б. Биркстама [Birkstam, 1984].

⁵ Тии [Trois, 1986, p. 166, no. 18.34].

⁶ Яхмос [Trois, 1986, p. 163, no. 18.12].

⁷ Мутемуйа, Тии, Сатра, Мут-Туи, Тити [Trois, 1986, p. 165–166, 168, 172, nos. 18.33–18.34, 19.1–19.2, 20.11].

⁸ Яхмос-Нефертари, Меритамон (I), Хатшепсут, Нефрура, Сат-ях, Меритра-Хатшепсут, Сатра, Мут-Туи, Нефертари-Меритенмут [Trois, 1986, p. 169, no. 19.5; Gosselin, 2007, p. 99–100], Таусерт, Тити [Trois, 1986, p. 161–164, 168, 171–172, nos. 18.3, 18.9, 18.13, 18.15, 18.18, 18.19, 19.1–19.2, 19.15, 20.11].

Hr)⁹, «соединившаяся с Хором ее» (*hnmt Hr.s*)¹⁰, «соединившаяся с плотью Сехмет» (*hnmt m h^cw Shmt*)¹¹, «соединившаяся с царем, воссиявшим в правде» (*hnmt nswt h^c m M³t*)¹², «дочь Геба» (*s3t Gb*)¹³, «жена Хора» (*sm3yt Hr*)¹⁴, «жена Хора, находящаяся в сердце его» (*sm3yt Hr imyt ib.f*)¹⁵, «жена Хора/возлюбленная им» (*sm3yt Hr/mryt.f*)¹⁶, «спутница Хора, любимая им» (*smrt Hr mrt.f*)¹⁷, «помятая Хора ее» (*sh3t Hr.s*)¹⁸, «дитя Пе, юница Деп» (*sdtyt P hwnt Dp*)¹⁹, «дитя Хора» (*sdtyt Hr*)²⁰, «почитательница бога» (*dw3t ntr*)²¹, «рука бога» (*drt ntr*)²². Тем не менее, прямые *сравнения* цариц с богинями представляют единичные исключения; например: «она в свите Величества Твоего, подобно Маат, сопровождающей Ра» (*wnn.s m šms hm.k mi M3^ct šms R^c* (Тии)²³; «это – знатная дама, совершенная телом своим, подобная виду Исиды. Когда видят ее, (то) почитают (ее) как Величество (Ее), владычицу неба, каждодневно жертвующую Маат Хору, крепкому тельцу, рожденному ей. Мать бога, по подобию Величества Ее (т.е. Исиды) (*špst pw [ikrt] n h^cw.st mi km3 n 3st m33 n.tw.s dw3w mi hmt nbt pt hnk(t) M3^ct m-^c hrt-hrw n Hr k3 nht ms[.n.s] mwt ntr m-snt-r hmt.s*)²⁴. Таким образом, делать прямой вывод об отождествлении цариц с богинями только на основании отдельных титулов и эпитетов было бы не вполне корректно. Так, в знаменитых сценах теогамии в Дейр эль-Бахри и Луксоре о царицах говорится сугубо как о земных женщинах²⁵: «прекраснее она любой женщины во всей стране этой» (*nfr.s r hmt nbt ntt m t3 pn r dr.f*) [Sethe, 1906, S. 219; Helck, 1957, S. 1713]²⁶. Вполне возможно, что определенное сближение царицы-матери с образом богини Мут, супруги Амона, могло подразумеваться, однако в упомянутых сценах теогамии признаков явного отождествления царицы с богиней мы все же не находим²⁷. Единственным источником божественного начала в теогамии является Амон, а не царица-мать, которая, самое большее, только выступает в роли супруги божества, но сама им не является.

Солярная символика, ставшая во второй половине XVIII династии доминирующей линией в индивидуальной иконографии цариц, находит наиболее явное выражение в коронах, представлявших сложные комбинации из нескольких составных частей: основы-модия, двойного «хатхорического» урея и рогов, совмещенных с солнечным диском и двумя перьями-*šwtu* [Bayer, 2014, Taf. 26–27, 35, 44a, 45a, 62, 66–67, 69b]. Признаки визуального сближения царицы с богинями-спутницами солнечного божества возможно уловить также и в отдельных типах сцен с участием цариц. В частности, одна из форм такого смыслового

⁹ Тиаа [Трой, 1986, р. 165, no. 18.27].

¹⁰ Тахат [Трой, 1986, р. 171, no. 19.14].

¹¹ Яххотеп (II) [Трой, 1986, р. 161, no. 18.2]. В перечне Л. Трой значится как Яххотеп (I).

¹² Тии [Трой, 1986, р. 166, n. 18.34]. Впрочем, у Л. Трой эпитет ошибочно транслитерирован как *hnmt nswt m Šw*.

¹³ Яхмос, Тиаа [Трой, 1986, р. 163, 165, nos. 18.12, 18.27 (?)].

¹⁴ Яхмос [Трой, 1986, р. 163, no. 18.12].

¹⁵ Хенуттанеб [Трой, 1986, р. 166, no. 18.37].

¹⁶ Яхмос [Трой, 1986, р. 163, no. 18.12].

¹⁷ Яхмос [Трой, 1986, р. 163, no. 18.12].

¹⁸ Нефертари-Меритенмут [Трой, 1986, р. 169, no. 19.5].

¹⁹ Тиаа [Трой, 1986, р. 165, no. 18.27].

²⁰ Меритамон (III) [Трой, 1986, р. 170, no. 19.8].

²¹ Дуатентопет, Исет (IV) [Трой, 1986, р. 171, nos. 20.5, 20.9].

²² Яхмос-Нефертари, Хатшесут, Нефрура, Тиаа [Трой, 1986, р. 161–164, nos. 18.3, 18.13, 18.15, 18.27].

²³ Надпись в TT 192 [*The Tomb of Kheruef*, 1980, р. 42, pl. 26].

²⁴ Надпись в KV 17 [Hornung, 1991, Taf. 104].

²⁵ [Naville, 1896, pl. XLVII–XLVIII, LI; Sethe, 1906, S. 224–225; Helck, 1957, S. 1717–1718].

²⁶ По крайней мере, за исключением титула «дочь Геба» (*s3t Gb*) у Яхмос в титулатуре обеих цариц нет никаких других элементов, которые бы указывали на их отождествление с богинями.

²⁷ Однако в сценах теогамии Рамсеса II уже наблюдается отчетливое стремление представить царицу-мать подобием самой богини Мут [Desroches Noblecourt, 1982, р. 236–237; Desroches Noblecourt, 1991, р. 129].

сопоставления образов царицы и богинь Хатхор и/или Маат прослеживается в двух типах сцен²⁸: 1) царская чета, сидящая в открытом павильоне (т.н. «сцена в киоске») [Robins, 1980, р. 25a]; 2) царица в облике сфинкса/грифона. Первый тип сцен, засвидетельствованный в фиванских частных гробницах, распадается на два подтипа: а) царь и богиня, сидящие внутри павильона; б) царь, сидящий внутри павильона в обществе стоящей или сидящей царицы. Отчасти в том же смысловом ключе, что и «сцены в киоске», представляется возможным интерпретировать и парные скульптурные группы XVIII–XIX династий, в которых царь изображен сидящим на троне вместе с богиней или с царицей.

Другим сюжетом, предположительно представляющим царицу в роли богини-солнечного Ока (Хатхор/Тэфнут), является изображение в облике сфинкса, в том числе сфинкса, терзающего иноземцев [Trois, 1986, р. 64–65; Green, 1988, р. 446; Green, 1992, р. 36; Gautron, 2003, р. 175–176]. Следует отметить, что в эпоху Нового царства изображение царицы в виде сфинкса, топчущего врагов-иноземцев, ограничиваются единичными примерами (Ти, Нефертити)²⁹, что ставит под сомнение указанную интерпретацию; поскольку данный сюжет – адаптация иконографии победоносного царя [Hassan, 1949, р. 109], то изображение царицы в облике сфинкса, вероятно, служит скорее показателем исключительного индивидуального статуса определенной царицы, нежели буквальной иллюстрацией ее теологической роли как персонификации богини-защитницы солнечного божества/царя.

К числу изображений, в которых роль царицы также обычно связывается с ее уподоблением богине-защитнице солнечного божества (Хатхор/Тэфнут, Маат), можно отнести также сцены избиения царем врагов-иноземцев. В таких сценах царская супруга обычно показана статично стоящей позади царя, иногда с воздетой рукой³⁰. С точки зрения К. Дерош-Ноблькур, статичная поза царицы в данной сцене объясняется тем, что ей нельзя было доверить действие, которое мог совершать царь, поэтому она изображалась лишь как свидетельница совершения им ритуала [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, р. 52]. Единственное исключение, когда царица выступает в сцене избиения врагов в активной роли, относится ко времени правления Аменхотеп IV (Эхнатона): так, на фрагментах талататов из Карнака и Гермополя³¹ Нефертити несколько раз изображена в соответствии с канонами традиционной царской иконографии – то есть собственноручно поражающей врага. Однако при всей значимости упомянутых сцен с Нефертити в сугубо царской роли они все же не являются основными сюжетами, представляя лишь элементы оформления «окна явлений» или декор кабины судна царицы³². Причины включения цариц в сцены триумфа царя до сих пор не вполне ясны, хотя активная роль Нефертити даже интерпретировалась как признак обладания ею реальной политической властью [Wilson, 1973, р. 239; Samson, 1977, р. 91–92; Tyldesley, 2012, р. 18].

²⁸ С точки зрения Л. Трой, в этих сценах богиня Маат (следовательно, и Хатхор. – В.Б.) и царица мыслились взаимозаменяемыми фигурами [Trois, 1986, р. 61–62].

²⁹ Рельеф в ТТ 192 [*The Tomb of Kheruef*, 1980, pl. 47]; рельеф из Карнака [Smith, Redford, 1976, pl. 23.2].

³⁰ Перечислим сцены данного типа: Иарет (наскальный рельеф в Коносса) [Lepsius, 1846–1859, Abt. III, Bd. V, Bl. 69e]; Ти (скарабей и откат печати) [Bayer, 2014, Taf. 84f, 85e]; Нефертити (рельефы из святилища *Tny-mnw* в Карнаке) [Smith, Redford, 1976, pl. 23.3; Vergnienx, 1999, pl. I, CIX a-b; Vergnienx, 2005, р. 45, 47, 49, fig. 4–6; талатат из коллекции Н. Шиммеля (Aldred, 1973, р. 133, no. 55); Анхессенамон (рельеф на золотой фольге из KV 58) [Gabolde, 2015, р. 408, fig. 175]; Анхессенамон/Мутнеджемет (рельеф в гипостиле Луксорского храма) [*The Epigraphic Survey*, 1998, pl. 83]; Нефертари-Меритенмут (рельефы в малом храме в Абу-Симбеле, фрагмент рельефа в Акше) [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, р. 52–54, pl. XXXII–XXIV; Schmidt, Willeitner, 1994, S. 58, Abb. 73].

³¹ Карнак [Smith, Redford, 1976, pl. 23.2]; Музей изящных искусств, Бостон, инв. № 64.521, 63.260 [Aldred, 1973, р. 134, no. 57].

³² При этом отметим, что в реальности такие сцены, украшавшие «окно явлений» царского дворца или стенки кабины судна царицы, могло видеть большое количество подданных!

О существовании смысловых параллелей между царицами и богинями-матерями свидетельствуют также некоторые скульптурные изображения богинь и цариц. Например, таковы скульптурные группы времени правления Аменхотепа III и Хoremхеба. Весьма показательна в этом отношении статуя Мут, сидящей в ладье³³, представляющая собой гигантский ребус имени матери Аменхотепа III (*Mwt-m-wi3*). По всей видимости, статуя, намеренно отождествлявшая царицу с богиней-матерью Мут [Bryan, 1991, p. 114–115], выражала идею божественного материнства царицы. Такое смысловое «прочтение» статуи подкрепляет титул Мутемуйи, содержащийся в надписи на статуе, – «мать бога» [Helck, 1957, S. 1772]³⁴. По мысли А. Каброль, данный титул недвусмысленно указывает на желание Аменхотепа III «мифологизировать статус» Мутемуйи, представив ее божественной матерью царя по плоти [Cabrol, 2000, p. 55]. Визуальные аллюзии на образ богини-матери также прослеживаются на двух статуэтках царской супруги Тии, хранящихся в Лувре и Каире³⁵. На первой из них декор облегающего одеяния Тии в виде сложенных крыльев отсылает к образу богини-грифа Нехбет [Bryan, 1992, p. 203]. Ассоциацию царицы с этой богиней подкрепляет и эпитет Тии, начертанный на опорном столбе статуэтки: «возлюбленная Нехбет» (*(mr(y)t Nḥbt*). Но, хотя в надписи упоминается Нехбет, мотив оперенья на одеянии царицы может в равной степени относиться и к богине Мут, образ которой был также тесно связан с грифом³⁶. Аналогией луврскому памятнику со схожим мотивом оперенья на одеянии является статуэтка Тии из собрания Каирского музея.

Тенденция уподобления цариц второй половины XVIII династии богиням-защитницам просматривается и в придании лицам богинь более или менее выраженного «портретного» сходства с конкретными представительницами царской семьи. Так, идеализированные черты Тии можно распознать в скульптурных изображениях Хатхор³⁷, Нефтиды³⁸, Нейт³⁹, Таурет⁴⁰. Сходство с царицей Мутнеджемет (?)⁴¹ предположительно придано также некоторым скульптурным изображениям богини Мут: в колоссальной диаде Амона и Мут⁴², диаде Амона и Мут⁴³ и диаде Амона и Мут в Луксорском храме [The Epigraphic Survey, 1998, p. 66–68, pl. 214–215].

³³ Британский музей, Лондон, инв. № BM EA 43, 505, 1434 [Kozloff et al., 1993, p. 99, fig. V.2].

³⁴ Об употреблении и значении данного титула см.: [Большаков, 2017].

³⁵ Лувр, инв. № E 25493 [Kozloff et al., 1993, p. 164–165, cat. 22]; Египетский музей, Каир, инв. № CG 780 = JE 31009 [Bayer, 2014, Taf. 23].

³⁶ Косвенным подтверждением данной смысловой связи могут служить изображения Мут: Египетский музей, Каир, инв. № CG 602, CG 918 и JE 99064 [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monumental_Dyad_representing_Amun_and_Mut_from_Karnak00_%281%29.jpg (дата обращения: 03.02.2023); El-Saghir, 1996, S. 61, Abb. 131; The Epigraphic Survey, 1998, p. 66–68, pl. 214–215]; Лувр, инв. № N 3566 [Ziegler, 2008, p. 127, 322, cat. 152]. С начала периода Рамессидов мотив стилизованного оперенья на одеянии богини присутствует не только в иконографии Мут, но и других богинь, олицетворяющих материнскую защиту бога/царя. См., например, изображения Иусаас, Исиды, Хатхор, Маат и Сехмет в храме Сети I в Абидосе [Calverley, 1958, pl. I.7, 13, 20, 23, 26, 30].

³⁷ По альтернативной атрибуции – Исиды. Египетский музей, Турин, инв. № C 694 [Vassilika, 2012, p. 58]; фрагмент триады. Британский музей, Лондон, инв. № BM EA 948 [Bayer, 2014, Taf. 42]. К этой же тенденции относятся фигурные противовесы к ожерелью-*mnit*, выполненные в виде головы Хатхор с чертами лица царской супруги [Kozloff et al., 1993, p. 322–323, cat. 89–90].

³⁸ Лувр, инв. № E 25389 [Kozloff et al., 1993, p. 153–155, cat. 19].

³⁹ Музей Средиземноморской археологии, Марсель, инв. № 206 [Kozloff et al., 1993, p. 154, fig. [19]a].

⁴⁰ Египетский музей, Турин, инв. № 8798 [Bayer, 2014, S. 149, Abb. 16a].

⁴¹ По предположению Р. Джонсона, лицам статуи приданы черты Эйе и его супруги Тии [Johnson, 1994, p. 147, 149].

⁴² Египетский музей, Каир, инв. № CG 602 + CG 918 и прочие фрагменты (инв. № JE 99064) [Sourouzian, 1999, p. 595–97, fig. 1–5].

⁴³ Египетский музей, Каир, инв. № CG 39213 [Dewachter, 1980, p. 26, fig. 7)].

В связи с тезисом о сакральной роли царицы как земном воплощении богини наибольший интерес среди памятников конца XVIII династии представляют сцены на маленьком золотом наосе из гробницы Тутанхамона⁴⁴. По мнению ряда исследователей [Hari, 1976, p. 106–107; Eaton-Krauss, Graefe, 1985, pl. XVII–XVIII, XXVI; Vandersleyen, 1990, p. 127–128], царская супруга Анхесенамон выступает по отношению к Тутанхамону в роли богини Урет-Хекау, упоминания которой занимают заметное место в текстах наоса⁴⁵. Однако, с нашей точки зрения, при всей символической нагрузке, которую могут нести сцены наоса, им все же придется излишне глубокий смысл. Более обоснованной выглядит интерпретация сцен наоса в контексте амарнских художественных традиций, в соответствии с которыми повседневный быт царской четы представлялся своего рода «литургическим действием», или, по крайней мере, таковым изображался [Traunecker, 2005, p. 131].

В постамарнский период тенденция к уподоблению цариц богиням наиболее ощутимо прослеживается при Рамсесе II, в свою очередь провозглашавшимся живым образом солнечного божества⁴⁶. В контексте прижизненного обожевления Рамсеса II как земного воплощения Ра/Ра-Хораhti особый акцент на главных представительницах царской семьи выглядит логическим продолжением данной религиозной политики. На памятниках первой четверти правления Рамсеса II особое место отводится его матери и главной супруге – Туи и Нефертари-Меритенмут, – которое они, в частности, занимают в Рамессеуме и в обоих храмах в Абу-Симбеле. На фасаде большого храма в Абу-Симбеле фигуры Туи и Нефертари расположены по обеим сторонам от фигуры Рамсеса II [Peters-Destéract, 2003, p. 160, ill. 30], подобно тому, как изображения Мутемуйи и Тии обрамляют колоссы Аменхотепа III в Ком эль-Хеттане⁴⁷. Весьма показательна также сама форма имени царицы Туи, начертанная в Абу-Симбеле, – «Мут-Туи». Еще более красноречивая форма имени матери Рамсеса II – «Мути» – засвидетельствована на блоках со сценами теогамии из обособленного святилища, примыкавшего к Рамессеуму с севера [Habachi, 1969(1), p. 32, pl. 2–2A]⁴⁸. Как отмечает К. Дерош-Ноблькур, на большинстве из найденных фрагментов имя матери царя выписано «Туи», но не менее двух раз «Мути», причем данная форма соседствует со сценой встречи царицы с Амоном и титулом «мать бога» (*mwt ntr*). С точки зрения французской исследовательницы, форму Мути (*Mwt*), образованную от имени Мут, следует интерпретировать как сознательное уподобление царицы богине [Desroches Noblecourt, 1982, p. 235–236]. Другой намек на такое уподобление царской матери богине Мут содержится также в надписи на статуе Туи из частного собрания, в которой Рамсес прямо именуется сыном Амона и Мут: «благый бог, сын Амона, рожденный Мут» (*ntr nfr s3 Imn ms.n Mwt*)⁴⁹ [Schmidt, Willeitner, 1994, S. 26, Abb. 29]. С этим отрывком перекликается фраза из текста синайской стелы Рамсеса I, в котором Амон и Мут провозглашаются родителями царя: «благый бог, сын Амона, рожденный Мут, госпожой неба, чтобы править над всем, что обходит солнечный диск» (*ntr nfr s3 Imn ms.n Mwt nbt pt r ḥk3 n šn nbt itn pr m ḥt*)⁵⁰. Из вышесказанного можно

⁴⁴ Исследователями было предложено несколько различных интерпретаций символического значения сцен наоса. Краткое изложение истории вопроса см.: [Eaton-Krauss, Graefe, 1985, p. 25–28].

⁴⁵ Л. Трой, напротив, видит в Анхесенамон воплощение богини Маат [Troy, 1986, p. 62].

⁴⁶ Как это демонстрируют написание тронного имени царя в виде ребуса [Valbelle, 1998, p. 293, 313; Peters-Destéract, 2003, p. 165, 169–170] и имена колоссов в храмах Фив, Пер-Рамсеса и Абу-Симбела [Kitchen, 1979, p. 454, IV; 630, E; 644, B; Habachi, 1969(1), p. 29–32; Habachi, 1969(2), p. 8, fig. 6].

⁴⁷ Присутствие на колоссах и статуях Рамсеса II скульптурных и рельефных изображений цариц и царевен также подтверждает его следование модели Аменхотепа III.

⁴⁸ См. также: [Desroches Noblecourt, 1990/1991, p. 32, pl. III]. Имеются основания считать, что в этом же святилище отправлялся также культ Нефертари-Меритенмут [Schmidt, Willeitner, 1994, S. 80–83].

⁴⁹ Такой же тезис засвидетельствован и на северной стеле в Абу-Симбеле: «сын Амона, рожденный Мут» (*s3 Imn ms.n Mwt*) [Kitchen, 1979, p. 316:7].

⁵⁰ Стела. Королевские музеи искусства и истории, Брюссель, инв. № E. 2171 [Kitchen, 1975, p. 1:8–9].

заклучить, что одной из особенностей идеологического дискурса при Рамсесе II являлось стремление акцентировать происхождения царя от Амона и Мут, причем земная мать царя целенаправленно сближалась с образом последней [Valbelle, 1998, p. 313; Leblanc, 1999, p. 43–44].

Теологическую роль прочих представительниц семьи Рамсеса II, из которых главное место на сохранившихся памятниках занимает его великая супруга Нефертари-Меритенмут, выявить сложнее. В целом не вызывает сомнения то, что в религиозной политике Рамсеса II была продолжена оформившаяся при Аменхотепе III тенденция прижизненного наделения царской четы ореолом божеств. В частности, проявление этой политики при Рамсесе II часто видят в возведении двух храмов в Абу-Симбеле, дополнявших друг друга точно так же, как и соответствующие храмы Аменхотепа III и Тии в Солебе и Седеннге⁵¹ [Desroches Noblecourt, 1991, p. 137]. Согласно К. Дерош-Ноблькур, детально проанализировавшей декоративную программу малого храма в Абу Симбеле, Нефертари почиталась в нем как земное олицетворение Хатхор или Сепдет/Сотис. Предложенная ею интерпретация сущности Нефертари в абусимбельском храме как воплощения богини Хатхор/Сотис, главным образом, основывается на следующих аргументах: 1) самом факте посвящения храма царице; 2) иконографии колоссов царицы на фасаде; 3) уникальной для иконографии цариц сцене «коронации» Нефертари богинями Хатхор и Исидой; 4) расположении фигуры Нефертари в некоторых сценах в соответствии с правилами изображения богов, т.е. как бы «выходящих» из храма; 5) равновеликими по масштабу фигурами царицы, царя и божеств.

Посвятительные надписи малого храма Нефертари, действительно, напоминают посвятительные формулы настоящим божествам, однако решающим аргументом К. Дерош-Ноблькур в пользу обожествления Нефертари в Абу-Симбеле как персонификации богини Сепдет/Сотис служит сцена «коронации» царицы Хатхор и Исидой и сам тип ее короны в виде двух перьев-*šwtj*, обрамленных заостренными лирообразными рогами [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 13, 78–79, 85, 87, pl. XCIX; Desroches Noblecourt, 1991, p. 138]. Теологическая роль Нефертари как воплощения богини Сотис сводится, по мнению К. Дерош-Ноблькур, к тому, что царица, «превратившаяся в богиню, олицетворяет прекрасную звезду (Сотис. – *Б.Б.*), возле которой – и посредством которой – появляется солнце в новый год» [Desroches Noblecourt, 1990/1991, p. 45–46, note 22; 1991, p. 137–138]. Такое понимание характера обожествления Нефертари как олицетворения Сотис, возвещающей разлив Нила, встречается и у других исследователей [Peters-Destéract, 2003, p. 284; Leblanc, 1999, p. 71, 120; Obsomer, 2012, p. 238–239]. Впрочем, истолкование сцены «коронации» Нефертари и символики ее короны (в частности, лирообразных рогов) как свидетельство ее отождествления с Сотис невозможно принять без возражений⁵². Несмотря на, несомненно, неординарный статус Нефертари, поставленной в малом храме в один ряд с царем и божествами, постулируемое К. Дерош-Ноблькур отождествление царицы с Сотис (или Хатхор)⁵³ представляется нам построением, лишенным надежной доказательной базы. Учитывая то, что храм был возведен в честь Нефертари, роль царицы в его изобразитель-

⁵¹ Надо полагать, особый акцент на почитании царской четы именно в нубийских храмах диктовался сочетанием теологических и политических причин. Тем не менее, весьма ограниченный характер наших сведений о провинциальных храмах (особенно в Дельте) и месте цариц в их декоративной программе оставляет открытым вопрос о том, отводилась ли прочим новоегипетским царицам столь же исключительная роль, как Тии и Нефертари в Седеннге и Абу-Симбеле.

⁵² Определенное противоречие относительно определения природы Нефертари, как кажется, присутствует и у самой К. Дерош-Ноблькур: «Она сама стала богиней, но остается царицей, как на это все еще указывает ее костюм» [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 86].

⁵³ Например: [Bianchi, 1993, p. 53].

ной программе в основном сводится к поклонению богам, и в первую очередь, Хатхор⁵⁴. Фактически в декоре храма есть только две сцены, которые можно было бы с определенными оговорками расценивать как свидетельство прижизненного обожествления Нефертари: это вышеупомянутая сцена «коронации» царицы⁵⁵ и сцена на северной стене святилища, изображающая сидящую царскую чету, почитаемую самим Рамсесом II [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 104–105, pl. CXXII]. Но, если фигура Рамсеса II отмечена признаками божественного статуса (закрученными бараньими рогами Амона и знаком-*ꜥnh* в руке), то царица, напротив, показана без каких-либо атрибутов, характерных для иконографии богинь. Таким образом, мы склонны сделать вывод, что если Нефертари и почиталась в Абу-Симбеле, то не как олицетворение Сотис или Хатхор, но лишь как причастная к миру богов супруга обожествленного Рамсеса II – живого воплощения солнечного бога.

Вне самого храма признаки обожествления Нефертари в Абу-Симбеле присутствуют на стеле Хеканахта, на которой посвяtitель воздает почести царице, сидящей на кресле-троне [Peters-Destéract, 2003, p. 330, ill. 200a; Schmidt, Willeitner, 1994, S. 50, Abb. 63–66]. В первую очередь, на божественный статус Нефертари указывает знак-*ꜥnh* в ее руке, хотя в данном случае, скорее всего, имеется в виду поклонение уже умершей царице⁵⁶. Еще одно возможное косвенное свидетельство уподобления Нефертари богиням содержится в криптографических композициях на двух блоках из Дейр эль-Медины⁵⁷. Группы изображений на блоках, включающих наряду со знаками-идеограммами фигуры безымянной царицы и богинь Мут, Таурет, Исиды, Хатхор, издатель памятника Э. Дриотон трактует как криптографическую запись титулатуры и имени Нефертари-Меритенмут [Drioton, 1939, p. 133–144]. Что касается прочих представительниц царского дома периода Рамессидов, то их прижизненное сближение с образами богинь, выраженное в гораздо меньшей степени, чем при Рамсесе II, преимущественно возможно рассматривать на основе отдельных элементов их иконографии и сакральных атрибутов.

В целом исследование изобразительных и эпиграфических источников эпохи Нового царства и иконографии цариц позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что между ними и главными богинями египетского пантеона, несомненно, проводились разнообразные смысловые параллели, однако определение степени отождествления цариц с богинями остается все же проблематичным. По нашему мнению, главным критерием для того, чтобы говорить об обожествлении цариц, является наличие культа; можно лишь предполагать, что объектом такого официального культа могли являться Тии (в Седеинге), Мут-Туи (в Рамессеуме) и Нефертари-Меритенмут (в Рамессеуме и, вероятно, также в малом храме в Абу-Симбеле). Между этими и некоторым другим царцам, действительно, засвидетельствованы признаки сближения с образами богинь (в первую очередь, Хатхор, Исидой, Мут), однако эта теологическая тенденция все же имела значительно менее выраженный характер, чем у новоегипетских царей, сравнивавшихся, а нередко и прямо отождествлявшихся в текстах с богами. Более того, подчеркнем, что указанные параллели «царица – богиня» проводились преимущественно посредством иконографии, но не хвалебной фразеологии.

⁵⁴ Хотя в храме нет надписей, прямо свидетельствующих о его посвящении Хатхор, на это указывает общая изобразительная программа. Более того, центральное место в святилище храма занимает зооморфное изображение Хатхор, а не Нефертари [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 102].

⁵⁵ В сцене «коронации» Нефертари царица изображена, как и богини, со знаком-*ꜥnh* в руке [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 85, pl. XCVIII].

⁵⁶ В пользу последнего свидетельствует то, что в верхнем регистре стелы вместе с Рамсесом II изображена не Нефертари, а ее старшая дочь Меритамон. Согласно К. Китчену, именно она участвовала в посвящении храма [Kitchen, 1985, p. 100].

⁵⁷ Египетский музей, Каир, инв. № JE 72215, JE 72216 [Schmidt, Willeitner, 1994, S. 11, Abb. 10–11].

Весьма показательно, что в наибольшей степени проведение параллелей между царицей и богинями, и между царской четой и парой божеств прослеживается при Аменхотепе III и Рамсесе II, что, с нашей точки зрения, определялось не столько существованием теологической модели дуалистической божественной власти («мужское – женское»), сколько особенностями эволюции царской идеологии конкретного исторического периода и, скорее всего, также личным волеизъявлением упомянутых царей. Следовательно, так называемое обожествление цариц скорее следует расценивать как их уподобление богиням исключительно во взаимосвязи с особенностями официальной репрезентации особы царя как живого воплощения верховного божества. Резюмируя вышеизложенное, мы считаем уместным использовать следующую метафору⁵⁸: если царь был солнцем, то царица – луной, которая лишь отражала сияние, от солнца исходящее. И чем больше возвеличивалась особа царя как земное воплощение солнечного божества, тем заметнее была фигура царицы-матери или царицы-супруги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Большаков В.А. К дискуссии о значении титула древнеегипетских царственных женщин «мать бога». *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 2. С. 38–51 [Bolshakov V.A. To Discussion on the Significance of the Title of the Ancient Egyptian Royal Women “Mother of God”. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2017. No. 2. С. 38–51 (in Russian)].
- Aldred C. *Akhenaten and Nefertiti*. London, New York: The Viking Press, 1973.
- Althoff E.B. *Kronen und Kopfputz von Königsfrauen im Neuen Reich*. Hildesheim: Verlag Gebrüder Gerstenberg, 2009.
- Bayer C. *Die den Herrn Beider Länder mit ihrer Schönheit erfreut. Teje. Eine ikonographische Studie*. Wiesbaden: Harrazowitz, 2014.
- Bianchi R.S. Nefertari as Chief Queen and Principal Wife. *In the Tomb of Nefertari. Conservation of the Wall Paintings*. Santa Monica: The J. Paul Getty Museum, The Getty Conservation Institute, 1993. Pp. 47–55.
- Birkstam B. Reflections on the Association between the Sun-god and Divine Kingship in the 18th Dynasty. *Sundries in Honour of Torgny Säve-Söderbergh*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 1984. Pp. 33–42.
- Bolshakov V.A. Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 45–57.
- Bryan B.M. Queen Tiye from a Royal Family Group. *Egypt's Dazzling Sun. Amenhotep III and his World*. Ed. by A.P. Kozloff, B. Bryan, L.M. Berman, E. Delange. Cleveland: The Cleveland Museum of Art, 1992. Pp. 202–203.
- Bryan B.M. *The Reign of Thutmose IV*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991.
- Cabrol A. *Amenhotep III Le Magnifique*. Monaco: Édition du Rocher, 2000.
- Calverley A.M. et al. *The Temple of King Sethos I at Abydos*. Vol. IV. London, Chicago: The University of Chicago Press, 1958.
- Desroches Noblecourt C. Abou Simbel, Ramses, et les dames de la couronne. *Fragments of a Shattered Visage. The Proceedings of the International Symposium on Ramesses the Great*. Eds.: E. Bleiberg, R. Freed. Memphis: Memphis State University, 1991. Pp. 127–166.
- Desroches Noblecourt C. Le mammisi de Ramsès au Ramesseum. *Memnonia*. 1990/1991. T. I. Pp. 25–46.
- Desroches Noblecourt C. Touy, mère de Ramsès II, la reine Tanedjmy et les reliques de l'expérience Amarnienne. *L'égyptologie en 1979. Axes prioritaires de recherches*. T. II. Paris: Éditions du CNRS, 1982. Pp. 227–243.

⁵⁸ Естественно, данная метафора является исключительно фигурой речи, поскольку ни в коем случае не отражает древнеегипетскую религиозно-мифологическую модель.

Desroches Noblecourt C., Kuentz D.N. *Le Petit Temple d'Abou Simbel. "Nofretari pour qui se lève le dieu-soleil"*. Vol. I. *Étude archéologique et épigraphique. Essai d'interprétation*. Vol. II: *Planches*. Le Caire: Ministère de la Culture, 1968.

Dewachter M. À propos de deux groupes monumentaux de Karnak. *Bulletin de la Société française d'Égyptologie*. 1980. Vol. 87/88. Pp. 18–30.

Drioton É. Cryptogrammes de la reine Nefertari. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. 1939. T. XXXIX. Pp. 133–144.

Eaton-Krauss M., Graefe E. *The Small Golden Shrine from the Tomb of Tutankhamun*. Oxford: Griffith Institute, 1985.

El-Bialy M. *Les reines et princesses de la XVIIIe dynastie à Thèbes-Ouset. Enquête d'après les monuments, les sources archéologiques et épigraphiques*. Vol. 2. Lyon: Université Lyon II – Louis Lumière, 2003.

El-Saghir M. *Das Statuenversteck im Luxortempel*. Mainz: Philipp von Zabern, 1996.

Gabolde M. La tiare de Nefertiti et les origines de la reine. *Joyful in Thebes: Egyptological Studies in Honor of B.M. Bryan*. Ed. by K.M. Cooney, R. Jasnow. Atlanta: Lockwood Press, 2015. Pp. 155–170.

Gautron G. *Position et influence des mères, épouses et filles royales de l'avènement d'Amenhotep III au règne d'Horemheb*. Thèse doctorale. Vol. 1. Lyon: Université Lumière Lyon 2, 2003.

Goedicke H. Vergöttlichung. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VI. Hrsg.: W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1986. Kol. 989–992.

Gosselin L. *Les épouses divines dans l'Égypte de la XIXe à la XXe dynastie*. Paris: Cybèle, 2007.

Green L. Queen as Goddess. The Religious Role of Royal Women in the Late-Eighteenth Dynasty. *Amarna Letters*. 1992. Vol. 2. Pp. 28–41.

Green L. *Queens and Princesses of the Amarna Period: The Social, Political, Religious and Cultic Role of the Women of the Royal Family at the End of the Eighteenth Dynasty*. PhD Thesis. Toronto: University of Toronto, 1988.

Habachi L. *Features of the Deification of Ramesses II*. Glückstadt: Verlag J.J. Augustin, 1969(2).

Habachi L. La reine Touy, femme de Séthi I, et ses proches parents inconnus. *Revue d'égyptologie*. 1969(1). Vol. 21. Pp. 28–39.

Hari R. La Grande-de-magie et stèle du temple de Ptah à Karnak. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1976. Vol. 62. Pp. 100–107.

Hassan S. *The Sphinx. Its History in the Light of Recent Excavations*. Cairo: Government Press, 1949.

Helck W. *Urkunden der 18. Dynastie. Historische Inschriften Amenophis' III*. Heft 20. Berlin: Akademie Verlag, 1957.

Hornung E. *The Tomb of Pharaoh Seti I. Das Grab Sethos' I*. Zürich, München: Artemis und Winkler, 1991.

Johnson W.R. Hidden Kings and Queens of the Luxor Temple Cachette. *Amarna Letters*. 1994. Vol. 3. Pp. 128–149.

Kitchen K.A. *Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramesses II, King of Egypt*. Warmister: Aris & Phillips, 1985.

Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical*. Vol. I. Oxford: B.H. Blackwell Ltd, 1975.

Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical*. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell Ltd, 1979.

Kozloff A.P., Bryan B.M., Berman L.M., Delange É. *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil*. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1993.

Leblanc C. *Nefertari «l'aimée-de-Mout»*. *Épouses, filles et fils de Ramsès II*. Monaco: Éditions du Rocher, 1999.

Leblanc C. *Les reines du Nil au Nouvel Empire*. Paris: Bibliothèques des Introuvables, 2009.

Leblanc C. *Ramsès II et le Ramesseum. De la splendeur au déclin d'un temple de millions d'années*. Paris: L'Harmattan, 2019.

Lepsius C.R. *Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien*. Abt. III. Band V. *Neues Reich*. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849–1859.

Monumental Dyad representing Amun and Mut from Karnak. *Wikimedia commons*. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monumental_Dyad_representing_Amun_and_Mut_from_Karnak00_%281%29.jpg (дата обращения: 03.02.2023).

Naville E. *The Temple of Deir El Bahari. Part II. The Ebony Shrine, Northern Half of the Middle Platform*. London: Egypt Exploration Fund, 1896.

Obsomer C. *Ramsès II*. Paris: Pygmalion, 2012.

Peters-Destéract M. *Abou Simbel. À la gloire de Ramsès*. Monaco: Éditions du Rocher, 2003.

Robins G. *Egyptian Queens in the 18th Dynasty Up to the Reign of Amenhotpe III*. PhD Thesis. Vol. II. Oxford: University of Oxford, 1980.

Samson J. Nefertiti's Regality. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1977. Vol. 63. Pp. 88–97.

Schmidt H.C., Willeitner J. *Nefertari Gemahlin Ramses' II*. Mainz: Philipp von Zabern, 1994.

Sethe K. *Urkunden der 18. Dynastie. Historisch-Biographische Urkunden*. Heft 3. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1906.

Smith R.W., Redford D.B. *The Akhenaten Temple Project I. Initial Discoveries*. Warminster: Aris & Phillips, 1976.

Sourouzian H. Amun und Mut: eine Doppelstatue aus der Zeit des Haremheb (1320–1306 v. Chr.). Die Restaurierung einer monumentalen Statuengruppe im Ägyptischen Museum Kairo. *Antike Welt*. 1999. Heft 30/6. S. 595–597.

The Epigraphic Survey. Reliefs and Inscriptions at Luxor Temple. Vol. 2. Chicago: The University of Chicago, 1998.

The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192. Chicago: The University of Chicago, 1980.

Traunecker C. Néfertiti. La reine sans nom. *Akhénaton et l'époque amarnienne*. Paris: Éditions Khéops et Centre d'égyptologie, 2005. Pp. 117–133.

Troy L. *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History*. Uppsala: Boreas, 1986.

Tyldesley J. Foremost of Women: The Female Pharaohs of Ancient Egypt. *Tausret. Forgotten Queen and Pharaoh of Egypt*. Ed. by R.H. Wilkinson. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 5–24.

Valbelle D. *Histoire de l'état pharaonique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1998.

Vandersleyen C. Ankhnesenamun et le naos doré (C 108). *Göttinger Miszellen*. 1990. Heft 119. Pp. 127–128.

Vassilika E. *Les chefs-d'œuvre du Museu Egizio de Turin. Guide officiel*. Florence: Scala, 2012.

Vergniew R. *Recherches sur les monuments thébains d'Amenhotep IV à l'aide d'outils informatiques. Méthodes et résultats*. Fasc. 1–2. Genève: Société d'Égyptologie, 1999.

Vergniew R. Quelques points clefs sur la période proto-amarnienne. *Akhénaton et l'époque amarnienne*. Paris: Bibliothèque d'Égypte Afrique, 2005. Pp. 35–50.

Wilson J.A. Akh-en-Aton and Nefert-iti. *Journal of Near Eastern Studies*. 1973. Vol. 32. No. 1/2. Pp. 235–241.

Ziegler C. (ed.) *Queens of Egypt. From Hetepheres to Cleopatra*. Monaco: Somogy Art Publishers, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОЛЬШАКОВ Владимир Анатольевич –
кандидат исторических наук, доцент
Российского университета дружбы народов;
старший научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vladimir A. BOLSHAKOV, PhD (History),
Associate Professor, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University); Senior
Research Fellow, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.